

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК [821.161.1.09:070](47+57)

ПИСАТЕЛЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (по материалам «Литературной газеты» 1930-х годов)

М. М. Соловьёва

Саратовский государственный университет
E-mail: markuz89@yandex.ru

В статье исследуется роль «Литературной газеты» в кампании по вовлечению советских писателей в социалистическое строительство и определению новой роли литературы.

Ключевые слова: «Литературная газета», 1930-е годы, пятилетка, социалистическое строительство, масса, диктатура.

Writer and Socialist Construction (based on *Literarnaya Gazeta* of the 1930s)

M. M. Solovyeva

This article examines the role of *Literarnaya gazeta* (Literary Newspaper) in the campaign to engage the Soviet writers in socialist construction and the definition of the new role of literature.

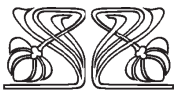
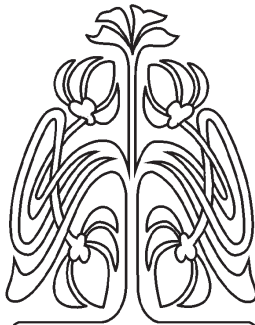
Key words: *Literarnaya Gazeta*, 1930s, five-year plan, socialist construction, humanity, dictatorship.

На протяжении первых десятилетий Советской власти происходило переосмысление роли литературы в общественной жизни. Если в 1920-е гг. «литературную ситуацию формировала и определяла именно литературная критика, то начиная с 1929-го года литературная жизнь, как и жизнь в целом, протекала в жестких тисках сталинской идеологии»¹.

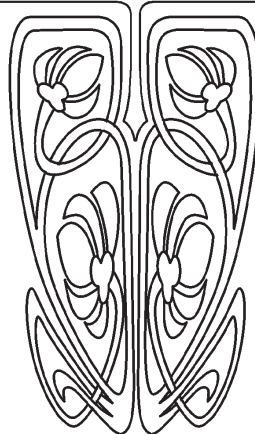
Особый интерес в связи с разговором о роли и положении писателя в 1930-х гг. представляет «Литературная газета» – издание, целиком и полностью посвященное литературной жизни. Отметим, что первый номер «Литературной газеты. Свободной трибуны писателей» вышел в свет в 1929 г. Ученые пишут, что именно в тот период «прежние художественные достижения были поставлены под сомнение и многие писатели стали “лишенцами” в пореволюционное время в результате появления нового читателя, “человека массы”»². Именно в конце 1920-х в сознании государственных деятелей возникает понимание необходимости нового типа писателя, отвечающего современным требованиям. Не исключено, что именно с повышением внимания к политической и идеологической роли литературы и связано появление советской «Литературной газеты», быстро ставшей главным периодическим изданием писателей 1930-х гг.

Заметим, что в предыдущее десятилетие приоритет в агитационной работе отдавался журналистике, которая, по мнению современных ученых, в «первые послеоктябрьские годы стала важнейшей составляющей революции»³. Вспомним, что первый съезд журналистов состоялся в 1918 году (писательский – в 1934), с середины 1920-х в СССР функционировал Государственный институт журналистики (ГИЖ) (литературный институт появился лишь в 1930-е гг.), на страницах журнала «Журналист» шла активная полемика вокруг формирования «теоретической платформы журналистики по-большевистски»⁴.

В первые годы издания редакционная политика газеты – это постепенная кампания по привлечению писательской аудитории, по формированию имиджа «Литературной газеты» как главного печатного органа для писателей и о писателях. Самой редакции с самых первых номеров было свойственно ощущать себя выше писательской общест-венности, наделять себя определенной властью. Отсюда – повелитель-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ный и иногда командный тон передовых статей: «...советский писатель должен особенно помнить о своих обязанностях перед трудящимися!»⁵, «...мы считаем своей обязанностью напомнить ему <писатель> об ускорении темпов его творчества» (Задача – победить культурно. 1930. 27 янв.) и др.

«Литературная газета» с большим энтузиазмом откликалась на партийные решения и постановления, всячески побуждая литературное сообщество стать активным участником общественной жизни. Один из наиболее ярких примеров – мощная агитационная кампания по вовлечению писателей в социалистическое строительство. Напомним, что в 1928 г. в Советском Союзе был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства (первая пятилетка), советский народ объявил курс на индустриализацию и коллективизацию. В связи с этим призывы принять участие в социалистическом строительстве логичны и обоснованы: писатели, как и представители всех других профессий, не могли оставаться в стороне от исторического события. Роль писателя на соцстройке сводилась к активной агитационной работе.

На протяжении первых лет издания «ЛГ» тема важности участия писателя в социалистическом строительстве не сходила с полос газеты. В 1930 г. редакция провозглашала включенность в строительство главной писательской задачей: «Социалистическая перестройка мира – вот генеральная тема нашей литературы в реконструктивный период. Быть в центре этой перестройки, участвовать в ней всем существом, перестраивать себя и литературу – такова задача писателя сегодня» (На производство. 1930. 6 сент.). «Перестройка себя» здесь указана не случайно, в этой фразе заложена одна из важнейших идей по переделке творческого и литературного процесса. В начале 1930-х гг. полагали, что вся писательская деятельность должна измениться коренным образом, подразумевая, что «включение писателя в борьбу и труд рабочего класса обозначает, кроме всего прочего, и коренную ломку писательского быта. Рушатся стены “отдельного кабинета”, светлый круг лампы на письменном столе раздвигается до невероятно широких пределов, привычные условия “литературной среды” заменяются новыми, зачастую еще неизвестными, культ “великолепного одиночества” сдается в архив и подшивается к “делу” всех “песнопений” и “молитв”» (Там же). По убеждению «ЛГ», писатель больше не может сидеть за письменным столом, создавая свои произведения, настоящий творец должен отправиться в эпицентр строительства – в колхозы, совхозы, на заводы – чтобы наиболее полно и реалистично отразить новую советскую жизнь в своих книгах, ведь «перед каждым советским писателем стоит задача понять, осмыслить это величайшее историческое событие» и создать <...> такие художественные произведения, которые бы звали и будили на

борьбу за социализм» (Батрак Ив. Писатели на большевистский сев. 1931. 9 февр.).

В деле социалистического строительства «ЛГ» возлагала на писателей большие надежды. Литературу в начале 1930-х гг. редакция наделяла функциями спасителя многих сфер общества. Так, в статье «Книжный поход в деревню» писателей призывают улучшить знания аграриев: «...книга должна в большей мере помочь выполнению директивы правительства “Ликвидировать в этом году агрономическую неграмотность”» (Книжный поход в деревню. 1930. 3 февр.), в статье «Писатель – в красную казарму» авторов призывали на военное поприще с целью «направить творчество <...> по руслу социалистического строительства, укрепления обороны страны и боеспособности Красной Армии», подчеркивая при этом, что «писатель должен войти в Красную казарму так же, как идет сейчас на фабрики, заводы и в колхозы» (Писатель – в красную казарму. 1930. 3 февр.).

Становится понятно, что писатель в начале 1930-х гг. наделялся «Литературной газетой» невероятными возможностями, всеохватностью своей пропагандистской власти. Это полностью соответствует партийным взглядам на роль литературы как одной из активных участниц общественной жизни, главных сил пропаганды. При этом сам писатель, несмотря на свою власть, на страницах «ЛГ» становится подконтролен колхозным и рабочим организациям: «Хлебоцентр направил в районы сплошной коллективизации 15 писателей» (Кр-ов. На весенний сев. 1930. 3 марта), «По заданию Колхозцентра писатель везет библиотеку в 2000 томов» (В колхозы. 1930. 13 янв.) и др.

Подобная зависимость писателя от достаточно странных и абсолютно нетворческих организаций превращает его из индивидуальности, обладающей своим взглядом на происходящее вокруг, в подчиняемую, неодушевленную единицу. В такой атмосфере сами литераторы постепенно стали настаивать на четких указаниях к работе. Подтверждением этому может служить статья А. Караваевой «Писателю нужна помощь». Несмотря на активную агитационную кампанию, в «ЛГ» сложно найти определенные, четко сформулированные требования к писателям: большинство призывов представляли из себя расплывчатые лозунги, не подкрепленные конкретными планами. Такая неопределенность наводила писателей на размышления о создании контролирующего органа, задающего нормы и следящего за их выполнением. Так, Караваева пишет: «Думая о пятилетке, испытываешь даже некий трепет: этакая гора-горища труда, борьбы, роста и логики человеческого сознания. <...> Пятилетка во всем ее охвате, как тема, кажется мне <...> огромной и ответственной <...> Нужна ли для всего этого какая-то организация? Конечно, нужна. <...> Организация должна главным образом помогать писателю, облегчать ему возможность зацепки за

действительность» (Караваяева А. Писателю нужна помощь. 1930. 30 янв.).

Интересно отметить, что освещение колхозной жизни редакцией «ЛГ» преподносится как дело сложное, требующее долгой и кропотливой работы. Здесь имеется в виду не только разработка новых жанров, методов письма, но и сама подготовка к написанию книг. Знакомство с деревенским бытом авторы «ЛГ» приравнивают к обучению: «Львов-Марсианин в течение трех лет изучал колхозы Поволжья и Прикамья» (В колхозы. 1930. 13 янв.), «Леонид Карпов, после двухлетних поездок по колхозам Среднего Поволжья и изучения производственных процессов в совхозах “Гигант” и “Хуторок” Сев. Кавказа, подготовил к печати книгу очерков» (Там же).

Необходимость личного знакомства с деревенским бытом послужила причиной творческих командировок писателей – одной из наиболее характерных примет литературной жизни начала 1930-х гг. Писательские поезда отправлялись в различные части страны с тем, чтобы как можно шире осветить успехи первой пятилетки. Обстановку всеобщего внимания и интереса к поездкам активно поддерживала и подогревала «Литературная газета». Редакция печатала воодушевленные отчеты о количестве писателей, «выделенных» на колхозную работу: «Разверстка ФОСП между литературными организациями по мобилизации писателей для участия в весеннем севе выполнена более чем на 100 процентов», «...до 30 писателей будут посланы в районы», «...помимо намеченных 7 кандидатов, трое писателей по собственной инициативе изъявили желание участвовать в проведении весенней посевной» (Батрак Ив. Писатели на большевистский сев. 1931. 9 февр.), «В колхозы, совхозы, МТС выехало 15 писательских бригад Сельколхозгиз и ФССП» (Кр-ов. Показать героев социалистического полей. 1931. 20 июня) и др.

С не меньшим темпераментом «ЛГ» публиковала писательские отчеты о поездках. В них авторы однозначно утверждали, что «посылка бригады <...> очень полезна <...>; посылать бригады необходимо почаще» (Иванов В. Соображения о поощрении и нужде, высказанные после Узбоя, что течет в пустыню Кара-Кумы. 1930. 19 мая). Эти строки В. Иванов писал в своей заметке, вышедшей по итогам его рабочей командировки в Туркмению. С ним соглашался поэт, член редколлегии журнала «Октябрь» Г. Санников, который пишет о своей поездке в Туркмению: «Я бесконечно рад, что мне удалось быть в этой красочной, интересной, обновляющейся стране в историческую эту весну тридцатого года» (Санников Г. Весна Туркмении. 1930. 19 мая).

Нужно сказать, что в своих отчетах писатели не стремились неоправданно приукрашивать действительность и представлять увиденное в лучшем свете. Материалы, опубликованные в газете, говорят о симпатии редакции к статьям, не скрывающим сложности быта колхозников и

сельчан: «На семьдесят с лишним процентов – пески, пустыня <...>. Отсюда – борьба за воду, жестокая схватка с природой» (Санников Г. Весна Туркмении. 1930. 19 мая) или: «...голое поле, амбар, мельничка. <...> Крыша не от дождя, а от солнца <...> “Если бы от дождя”, – смеются поселяне, мы бы и навеса не делали, спасибо сказали бы, только нет» (Третьяков С. Деревенский город. 1930. 6 янв.). Иногда, изображая действительность, авторы и вовсе не стеснялись в формулировках: «Человеческого жилья сразу не заметишь. Живут в землянках. Выкопаны этикие братские могилы» (Там же).

Наивно было бы утверждать, что писатели хотели донести до читателей антиправительственную информацию, сосредоточивая свое внимание на недостатках и сложностях колхозной жизни. Анализируя подобные материалы, следует скорее усматривать связь с мотивом борьбы, который присущ всей эпохе. Пафос подобных статей был направлен на утверждение идеалов, на изображение трудного пути, который обязательно приведет к победе.

В материалах, публикуемых «ЛГ», авторам было очень важно подчеркнуть не только сами сложности, мотив их преодоления, но и победу над ними: «Мы видели, как в условиях коллективных начинаний разрешались сложнейшие, неразрешимые при индивидуальной системе хозяйства, вопросы механизации, орошения, укрепления к земле кочевых племен и строительства новых поселений. Мы видели, как на наших глазах оживали пески и там, где никогда не перекапывалась земля, проходил торжествующий трактор» (Санников Г. Весна Туркмении. 1930. 19 мая). Педальирование мотива сложностей и их преодоления способствовало созданию еще более восторженного тона публикуемых отчетов, а значит, и представляло всю кампанию по привлечению писателей в социалистическое строительство в самом выгодном свете.

В контрастах и изображении удивительной стойкости и мужества советских граждан проявляется мотив борьбы с временными трудностями на благо прекрасного и светлого будущего. В 1930-е гг. о борьбе говорили много и на самых разных уровнях, стойкость и героизм героев революции, войны, социалистического труда – одна из основных тем советского искусства. Поэтому можно сделать вывод, что о борьбе с неудобствами, климатом, тяжелыми условиями колхозной жизни писатель рассказывал не для объективного отражения ситуации, а подсознательно, предавая своей статье дух времени.

Еще одной значимой агитационной кампанией на фоне социалистического строительства, в которой самое активное участие приняла «Литературная газета», стала кампания по привлечению в литературу ударников. В этом мы видим продолжение одной из основных тенденций литературной критики 1920-х гг. Тогда «формировалась

особая логика, согласно которой вчерашний токарь, кузнец, каменщик, став писателем, оказывался наравне с Ф. Гладковым, А. Фадеевым, А. Толстым, М. Горьким и даже И. Тургеневым, Л. Толстым, А. Чеховым»⁶.

В 1930-е гг., когда требовалось активное освещение соцстройки, работа с ударниками была важна еще и потому, что профессиональному писателю требовалось порядочное количество времени на знакомство с не известным ему бытом колхозов или устройством работы заводов, а ударнику, то есть человеку из народа, такого подготовительного изучения не требовалось.

«ЛГ» скандирует: «"Лицом к ударнику!" Таков должен быть лозунг всей творческой, всей организационной работы советских издательств, писательских организаций» (Вигалок А. Повернем литературу лицом к производству. 1930. 24 окт.). В передовых колонках редакция неоднократно заявляет о необходимости наличия в советской литературе писателей-ударников, о важности их работы и творчества: «Ударник становится костяком, движущей силой в перестройке наших общественных организаций, всей их работы» (Ударничество и литература. 1930. 29 сент.). Тема ударничества настолько волновала редакцию, что «секретариат ФОСП постановил <...> номер "Литературной газеты"» (1930. 19 окт.) полностью посвятить ударникам.

Отношение к ударничеству в 1930-е гг. другое, нежели в 1920-е. В 1930-е – к воспитанию новых кадров и к писателям из рабочей среды подходят по-особенному: властям становится понятна важность образования, теоретический базис, читательский опыт начинающих писателей. В конце 1930-х гг. в Москве организуется Литинститут, в 1930 г. под редакцией М. Горького начинает выходить толстый журнал для селькоров и рабкоров «Литературная учеба».

«Литературная газета» пишет: «В смысле литературной учебы колхозный поэт находится в безвыходном положении». При этом для редакции важно показать, что призывы к образованию не диктуются сверху, интерес к учебе исходит от населения, то есть от самих ударников: «От многих начинающих с мест поступают к нам просьбы создать литературные курсы», «ЛГ» приводит письмо члена колхоза имени тов. Сталина (Орехово-Зуевский округ): «Чтобы научиться правильно писать стихи, вы мне предложили купить книгу Изотова "Основы литературной грамоты". Я действительно задумал во что бы то ни стало добиться этого дела» (Панов Н. Тысяча песен о социализме. 1930. 25 авг.). Корреспонденты «ЛГ» спешили сообщить и о собственных наблюдениях: «Почти на всех предприятиях, где приходилось бывать сотрудникам "Лит. газеты", мы слышали пожелания о том, чтобы писатели помогли редакциям заводских газет оформлять материалы» (Заводская газета ждет писателя. 1930. 20 янв.).

Подготовке квалифицированных кадров в «ЛГ» уделялось особое внимание. Еще до открытия в 1933 г. Вечернего рабочего литературного университета (ныне Литературный институт имени А. М. Горького) большое количество материалов «ЛГ» в 1930–1931 гг. было посвящено организации и работе «литфака 1 МГУ». «Литературная газета» активно публиковала заметки студентов факультета. Редакции было важно подчеркнуть живой, неподдельный интерес к обучению со стороны рабочих. Наряду с сухими отчетами о работе факультета, выполнении учебного плана, «ЛГ» публиковала живые отклики на процесс обучения. В небольших заметках, собранных под общим заголовком «Говорят студенты», молодые рабочие делились своими впечатлениями, многие из которых непосредственны и анекдотичны. Так, например, «студент С» сообщал о проблемах с расписанием: «...временное расписание на один день вывешивается по вечерам, и студенты должны ждать его появления до конца дня... – и добавляет: – сами преподаватели иногда не знают, что они должны преподавать и в какие часы читать лекции. Товарищ Бельчиков, который должен был читать о критических жанрах, с изумлением узнал от студентов о том, что ему предстоит вести курс на редакционно-издательском отделении» (Студент С. Непрерывная... выходная неделя. 1930. 3 марта).

Для повышения литературной грамотности начинающих авторов устраивались специальные встречи и вечера с профессиональными писателями, на предприятиях организовывались литкружки, что тоже не остается без внимания «ЛГ». Редакция страстно подогревала атмосферу вокруг этих мероприятий: «Мобилизуется сто писателей для выступления на литвечерах ударников» (Здесь и далее: 1930. 19 окт.), «В районах Москвы организовано на фабриках и заводах свыше 90 бригад литкружковцев», «С завтрашнего дня в районах развертывается массовая кампания по широкой популяризации, пропаганде задач призыва ударников в литературу и вербовке их в литкружки» и др.

Заметки об ударниках публиковали не только опытные писатели, рабочие встреч тоже не оставались в стороне и могли прислать в адрес редакции письмо с выражением недовольств. Такой негативный отзыв пришел от участника «вечера им. Маяковского», проведенного «совместно с районными литературно-творческими кружками» (Честнов И. Поменьше таких вечеров. 1930. 19 мая). «Этот вечер ничего не дал, – пишет автор отчета рабочий фабрики им. Свердлова, – в тезисах <...> не было конкретных выводов о Маяковском» (Там же). «Поменьше таких нелепых вечеров, которые ничего конкретного не дают», – подводит неутешительный итог рабочий. В заметке «Недопустимая халатность» сообщалось, что писатели «Селивановский <...>, Серафимович, Бруно Ясенский, М. Колосов, Дементьев, Светлов, Шведов и Безыменский» и вовсе не явились на

вечер пролетарской литературы и «рабочая молодежь Красной Пресни, протестуя против такого отношения, ждет ответа от своих писателей и надеется, что мелкобуржуазные, «интеллигентские» замашки старых писателей не привьются к нашим, пролетарским» (Библиотекарь. Недопустимая халатность. 1930. 20 янв.).

В начале 1930-х гг. на волне повышенного интереса к писателю и его роли в общественно-политической жизни авторы «Литературной газеты» затрагивали вопросы, напрямую касающиеся специфики литературного труда. Так, статья «Здоровье писателей в цифрах» выражает своеобразное проявление заботы о физическом состоянии советских литераторов и содержит статистические данные о медпроверках: «Лечебная комиссия Литфонда 1 февраля 1928 г. окончательно сконструировалась и открыла прием заявлений от писателей, нуждающихся в поправлении здоровья» (Здесь и далее: Беляев С. Здоровье писателей в цифрах. 1930. 24 февр.), «С 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. – 281 заявление», «в 1929 г. из 281 заявления неудовлетворенно 23 (8 процентов). Такое увеличение неудовлетворенных заявлений (в 8 раз) произошло вследствие того, что заявители указывали определенные места на юге (Крым), где они хотели пользоваться курортным лечением, а в распоряжении лечебной комиссии этих мест не было. Воспользоваться же другими местами заявители не пожелали», «чтобы поставить и наладить дело оздоровления писательской массы, необходимо изучить быт писателя и внешние условия его работы».

Насущной проблемой в 1930-е гг. была упомянутая проблема быта. «ЛГ» понимает важность этого вопроса и призывает: «Обеспечить нормальные условия для творческой работы писателя» (Здесь и далее: «Пишу урывками, по ночам...» 1932. 4 янв.)! Редакция провозглашает одной из основных задач писательских организаций «ликвидировать обезличку и бесплановость в общественной загрузке основных творческих кадров» и публикует анкету о связях общественной нагрузки и творчества, обращаясь к писателям с вопросом о том, хватает ли времени на создание произведений. «Все товарищи сходятся на том, что необходимо ввести в практику длительные творческие отпуска. Кроме того, нужно выделить определенные свободные дни, – констатировала газета. – Товарищи настаивают на предоставлении писателям длительных общественно-творческих командировок на предприятия, в провинцию и в колхозы».

Внимание к быту и гигиене писательского труда не ограничивается рассуждениями. «ЛГ» пишет об открытии при клубе ФОСП «кабинета по изучению труда и быта писателя» (Ларский Л. Кабинет труда и быта. 1930. 13 янв.), главной задачей которого было рассмотрение писательской работы с научной точки зрения. В новом кабинете, по замыслу его создателей, будет

проходить всестороннее изучение «своеобразной» писательской работы, представляющей из себя «цикл психо-физиологических процессов, определяющихся в значительной степени условиями быта, правовым положением писателя и т. д.» (Там же).

Отметим еще один немаловажный факт: в процессе вовлечения писателя в социалистическое строительство происходит не только переосмысление целей писательской работы, но и профессии писателя как таковой. Ведь на фоне новых темпов жизни и успехов в выполнении пятилетнего плана специфика этой профессии вызвала много вопросов. В статье «Можно ли приравнять писателей к трудящимся» Автор рассуждает о специфике литературной работы и задается вопросом: «можно ли стереть различие между писателем и основной массой работников наемного труда?» (Здесь и далее: Автор. Можно ли приравнять писателей к трудящимся. 1930. 10 февр.), ведь «писатель работает у себя на дому, предмет труда писателя большею частью избран им по собственной инициативе. <...> Он получает не заработную плату, а авторский гонорар». Автор «ЛГ» сравнивает работу писателя с наемными рабочими по нескольким пунктам, среди которых – возможность социального страхования, метод оплаты труда, размер и частота заработной платы. Автор настаивает на введении «расчетных книжек писателей», так как это «покажет, что большинство писателей не получает даже действительного возмещения своих трудовых затрат».

Подобные попытки пересмотреть литературный труд с целью превратить его из призвания в профессию с четкой системой и графиком работы лишали писателя всякой творческой инициативы, свободы мысли и вдохновения. «Литературная газета», осознавая важность этой работы, вслед за партийными установками выдвигала для всех писателей общие задачи и цели, объединяла писательскую общественность под общими лозунгами, призывала к выполнению единого плана. Писатель, ранее призванный показывать «знание всего», в 1930-е гг. на фоне кампании по привлечению внимания к социалистическому строительству в атмосфере «полностью огосударственной жизни, экспансии власти, поглощения государством всякой социальной самостоятельности»⁷ сам становился подконтрольной единицей, был вынужден подчиняться не только литературным, партийным организациям, но и непонятным, странным структурам, имеющим крайне посредственное отношение к литературе.

Общие для всех авторов правила, рекомендации, приказы, с постоянством публикуемые «Литературной газетой», фактически обезличивали писателей и объединяли их в единую массу. Создание этой массы, в которой «любой ничего не значит»⁸, превращение писателя в подконтрольную единицу становилось абсолютно

нормальным явлением и стало побочной целью кампании по привлечению писателя в социалистическое строительство. Можно утверждать, что если в 1920-е гг. «общественно-культурная жизнь страны <...> строилась в расчете на массовое сознание»⁹ и писатели творили для читательской массы, то в 1930-е гг. начинается процесс формирования массы писателей, подконтрольной и управляемой, готовой откликнуться на лозунги и призывы.

Процесс формирования писательской массы, начавшийся в конце 1920-х гг. и нашедший свое выражение в кампании по привлечению писателей в социалистическое строительство, продолжался на протяжении всех 1930-х гг., привел к постановлению «О перестройке литературно-художественных организаций» и утверждению в 1934 г. основного метода советской художественной литературы и литературной критики – социалистического реализма.

УДК 811.161.1'42:070

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2012 ГОДА (на примере публикаций «Новой газеты»)

Т. Ю. Кравчук

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchuktanya30@rambler.ru.

В статье рассматривается политический дискурс российской оппозиции в предвыборной президентской кампании 2012 года (на примере материалов № 136 (2011) – № 22 (2012) «Новой газеты»), дается анализ средств речевого воздействия и целей их использования, а также описываются другие особенности дискурса этого периода.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие.

Discourse of Political Opposition in Presidential Elections Campaign of 2012 (on the example of *Novaya Gazeta* (New Newspaper) publications)

T. Yu. Kravchuk

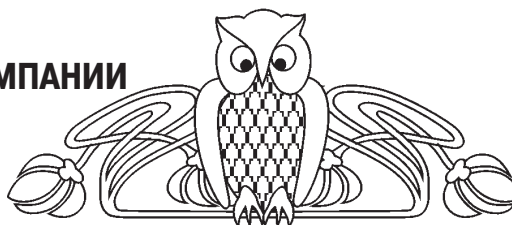
The article considers political opposition discourse in the presidential elections campaign in Russia in 2012 (on the material of № 136 (2011) – № 22 (2012) of *Novaya Gazeta*). The analysis of methods and means of linguistic manipulation and purposes of their usage is given; other discourse features of this period are described.

Key words: political discourse, linguistic manipulation.

В предвыборный период обостряется борьба политических противников. Это время, когда особенно эффективно реализуется главная функция политического дискурса – борьба за власть, от

Примечания

- 1 История русской литературной критики : учеб. пособие для студентов / под ред. В. В. Прозорова. М., 2000. С. 297.
- 2 Голубков М. Русская литература XX века (после раскола). М., 2002. С. 10.
- 3 Елина Е. От девятьсот двадцатых к двухтысячным : литература, журналистика, литературная критика : сб. ст. Саратов, 2012. С. 40.
- 4 Там же.
- 5 Писатель и современность // Лит. газ. 1929. 7 мая. Далее ссылки на «Литературную газету» даются в тексте с указанием в скобках названия материала и даты выхода.
- 6 Елина Е. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 45.
- 7 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 112.
- 8 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 420.
- 9 История русской литературной критики. С. 255.

сказанного политиками в это время во многом зависит положение их политической силы в ближайшем будущем и политическая ситуация в стране в целом. Эти факторы влияют на предвыборный политический дискурс, который особенно насыщен средствами и приемами речевого воздействия на электорат. Речевое воздействие проявляется в разных жанрах политических выступлений – дебатах, интервью, на интернет-сайтах партий и кандидатов на посты, в статьях лояльных СМИ.

В данном исследовании мы проанализировали предвыборный дискурс президентских выборов 2012 г., который, по мнению многих политологов, журналистов и политиков, стал самым ярким периодом политической жизни России последних лет. Ни для кого в нашей стране не секрет, что этот непродолжительный период – с декабря 2011 г. по февраль 2012 г. – сильно изменил отношение общества к политике и власти, его участие в политической жизни или хотя бы привлек внимание к ней.

Материалом для исследования стали номера «Новой газеты» за декабрь 2011 г. и январь-февраль 2012 г. – самый острый момент нарастающей политической ситуации, судя по количеству публикаций, посвященных теме предстоящих выборов. Мы постараемся проанализировать дискурс этого периода и описать те его особенности, которые повлияли на сложившуюся политическую ситуацию в стране и отношение к власти.